

З ІСТОРІОГРАФІЧНОЇ СПАДЩИНИ

Вадим Модзалевський

КОРОТКИЙ НАРИС ЖИТТЯ СВ. ІОАННА МАКСИМОВИЧА

(Підготовка до друку і передмова Олександра Коваленка)

Відомий історик і архівіст Вадим Львович Модзалевський (1882—1920) залишив помітний слід у вітчизняній науці. Йому належить понад 200 наукових і науково-публіцистичних праць з історії України XVII—XVIII ст., генеалогії, геральдики, мистецтвознавства.¹ Життя та діяльність ученого були тісно пов'язані з Чернігово-Сіверщиною, звідки походили його далекі предки. Протягом 1911—1918 рр. В. Модзалевський мешкав і працював у Чернігові. Він обіймав посади керуючого справами Чернігівської губернської архівної комісії та секретаря Чернігівського губерньського дворянського зібрання, деякий час очолював Музей українських старожитностей ім. В. Тарновського, викладав у навчальних закладах міста. Послідовник О. Лазаревського і яскравий представник лівобережної школи в українській історіографії, В. Модзалевський фактично координував наукові студії в регіоні й значною мірою прислужився розгортанню історико-краєзнавчого руху. За доби визвольних змагань він переїхав до Києва і взяв безпосередню участь у заснуванні Української Академії наук і становленні архівної справи. Передчасна смерть не дозволила В. Модзалевському реалізувати численні задуми й проекти, а частина його наукових праць так і залишилась у рукописах. До їх числа належить, зокрема, «Короткий нарис життя св. Іоанна Максимовича», що зберігається у складі особистого фонду вченого в Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського в Києві.²

Ця студія В. Модзалевського являє собою реферат доповіді, виголошеної дослідником на спеціальному засіданні Чернігівської губернської архівної комісії, влаштованому 5 жовтня 1916 р. з нагоди канонізації видатного церковного і культурного діяча кінця XVII — початку XVIII ст., Чернігівського архієпископа, а згодом митрополита Тобольського й усього Сибіру Іоанна Максимовича. Принагідно зауважимо, що окрім В. Модзалевського, на засіданні виступили місцеві історики А. Верзилов та О. Єфимов.³ Загалом чернігівські фахівці та краєзнавці гідно вшанували пам'ять Іоанна Максимовича — йому було присвячено другий випуск «Сборника Черниговского епархиального древлехранилища», що побачив світ того ж таки 1916 р.⁴

Інтерес В. Модзалевського до постаті Іоанна Максимовича був зумовлений не тільки цією, без сумніву, непересічною подією. Учений, з одного боку, ділком слушно, вбачав у Чернігівському архієпископі енергійного культурно-освітнього діяча і письменника, а з іншого — людину свого часу, типового представника нової соціально-політичної еліти. До того ж В. Модзалевський вважав, що пізнання будь-якої історичної епохи «тільки й можливе при детальному вивченні біографій окремих її діячів». Відтак, створений дослідником портрет Іоанна Максимовича і на сьогодні становить неабиякий інтерес як для фахівців, так і для широкого загалу аматорів старовини.

Студія В. Модзалевського подається мовою оригіналу згідно з нормами сучасного російського правопису без будь-яких скорочень, із збереженням усіх лексичних і стилістичних особливостей авторського тексту. Наведені в ній повністю або у витягах історичні документи опрацьовані на підставі правил передачі тексту кириличних документів XVI—XVIII ст. популярним методом.⁵

Джерела та література:

- 1 Див.: Коваленко О. Б. В. Л. Модзалевський як історик України // Український історичний журнал. — 1972. — № 4. — С. 121 — 123. Його ж В. Л. Модзалевский Как историк и источниковед: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — К, 1980; та ін. Крім автора цих рядків, наукову спадщину В. Модзалевського плідно студіюють також С. Білокінь, В. Ульяновський, В. Томазов, С. Шурляков.
- 2 Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського. — Ф. XII. — Спр. 102.
- 3 Черниговское слово. — 1916. — № 2840.
- 4 Сборник Черниговского епархиального древлехранилища. — Чернигов. 1916.
- 5 Див.: Страшко В. Правила передачі тексту кириличних документів XVI—XVIII ст. дипломатичним і популярним методами та рекомендації для застосування цих правил у виданнях наукового і науково-популярного типів. — К, 1992.

Краткий очерк жизни св. Иоанна Максимовича

«Род Максимовичей-Васильковских, называющихся Васильковскими в отличие от других, довольно многочисленных фамилий того же названия, дал несколько заметных деятелей на протяжении двух с половиной веков, а в недавние дни роду этому суждено было привлечь к себе особое внимание, причиной которого было причисление к лику святых Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского и всея Сибири. Событие это уже отмечено в печати рядом статей, посвященных жизнеописанию святителя и характеристике его личности и литературной деятельности, обязывает, тем не менее, и нашу Архивную комиссию, как местное учебное учреждение, отозваться на него настоящим заседанием.

К сожалению, недостаток времени не дал мне возможности надлежащим образом, как того хотелось бы, исполнить возложенное на меня Комиссией поручение — приготовить к настоящему заседанию реферат, содержанием которого должно было быть жизнеописание святителя Иоанна и его административная и хозяйственная деятельность в пределах Черниговщины. А бесплодные поиски в местных архивах новых о нем материалов еще более помешали мне сообщить Комиссии, что-либо новое и любопытное из жизни святителя. Поэтому заранее прошу уважаемых слушателей быть возможно менее строгими к моей работе, крат

кость которой совершенно не отвечает обширности и интересу самой темы.

Отцом Иоанна Максимовича был Максим Васильковский, происходивший, должно быть, из м. Василькова Киевской губернии. Впервые мы его встречаем в Нежине, где он жил в 1650-х годах, а затем довольно долгое время он называется обывателем Киево-Печерским, почему известен под фамилией Печерского. Из бумаг о Максиме видно, что он был человеком торговым и, кроме того, занимался тем, что держал в аренде, т. е. откупе, различные доходные статьи того времени. «Арендарем» Печерским» называет его уже акт 1676 г., который надо понимать таким образом, что Максим Васильковский арендовал мельницы и шинки, принадлежащие Киево-Печерской Лавре. Позже этого времени Максим взял в свои руки более крупное дело — именно аренду «индукта», т. е. сбора пошлин с ввозимых товаров в пользу войскового скарба, который находился в распоряжении гетмана. Надо думать, что своею деятельностью в этой области Васильковский приносил большие доходы, так как гетман Мазепа в универсале, данном его сыновьям в 1688 г., называет его «выгодным нам человеком и в ділі войсковом около выбранья индукты працюючим». В другом гетманском универсале, выданном в 1690 г. уже самому Максиму, Мазепа говорит: «ознаймуем, иж с первых респектов и для частой нам в войсковых потребах выгоды дознанной, маючи мы до пана Максима, обывателя Киевопечерскаго, и до сынов его всіх ласкавую нашу прихильность, беремо его самого и сынов его: пана Василя, пана Петра и пана Дмитрія Максимовичов под нашу гетманскую оборону и всі их домы, хутори, млины, гді колвек в яком полку власним коштом набутіе мают, от всяких повинностей войскових и міських чинячи волними, при них захоуем».

Редакция этого универсала, очень милостивая по своему тону, интересна еще в ином отношении, а именно выражение «беремо под нашу гетманскую оборону» означает, что Максим и три сына его освободились данным актом от подсудности всем властям как козацким, так и мещанским, кроме самого гетмана, другими словами, Максим с сыновьями становится совершенно независимым человеком от сотников, полковников и даже генерального суда, и всякий, кто имел к нему какую-либо претензию, должен был обращаться исключительно к самому гетману. В последующих подобного рода «оборонных» универсалах выражение «беремо в оборону» стало заменяться выражением «беремо под бунчук», откуда следует, что Максим Васильковский и его три сына получили почетное звание бунчуковых товарищей. Важность этого акта, свидетельствующего об исключительной милости гетмана к своему «арендарю», станет еще более очевидной, если мы скажем, что сам Максим едва ли ранее принадлежал к составу «товарищества», а был по роду своих занятий, по всей вероятности, членом мещанского общества Киева. Таким образом, несомненно, что отец Иоанна был очень угоден гетману, который, как известно, любил богатых и сам потому был богат.

Мы нарочно остановились подробно на сведениях об отце Иоанна Максимовича: это дает нам право сказать, что он происходил из семьи достаточной, сумевшей перейти даже в ряды товариства. Сам отец, как это видно из его подписи на одном из документов Музея Тарновского, был хорошо грамотен, естественно поэтому, что и всем сыновьям своим он дал образование. Это тем более легко было сделать, что жил он в Киеве, где был рассадник тогдашней образованности — Киевская Академия. От брака с Евфросинией (фамилия ее неизвестна) Максим Васильковский имел сыновей: Иоанна, Василия, служившего компанейским полковником, Петра, значного войскового товарища, Дмитрия, генерального бунчужного, одного из главных единомышленников Мазепы, окончившего свои дни в ссылке в Архангельске, Григория, переяславского.

протопопа, Михаила, тоже бунчукового товарища, и Антона, тоже бунчукового товарища. Все сыновья Максима, таким образом, достигли довольно высокого положения в тогдашнем обществе, владели различными местностями и, кроме того, породнились с некоторыми знатными фамилиями. Близость Максима к Мазепе, быть может, послужила даже причиной таковой же близости к гетману Дмитрию Максимовича...

Старший из сыновей Максима Васильковского — Иоанн Максимович родился в 1651 г. в Нежине, где в то время жил его отец. По свидетельству некоторых историков, Иоанн получил образование в Киевской Академии, где затем был и профессором латинского языка, несмотря на свою молодость. В это же время он принял пострижение в Киево-Печерской Лавре, совершенное ее архимандритом Иннокентием Гизелем, а затем состоял в должностях проповедника Академии и эконома в Киево-Печерской Лавре, получив последовательно саны иеродиакона и иеромонаха. Способности молодого Иоанна вскоре дали ему возможность исполнить важное поручение Лавры, связанное с поездкой в Москву. Это было в 1678 году, когда Киеву угрожала опасность появления турок. Иноки Киево-Печерской Лавры избрали своим уполномоченным Иоанна Максимовича и поручили ему ходатайствовать перед царем Федором о присылке войска для защиты. Киева и Лавры и о разрешении монахам, в случае опасности, найти убежище в Брянском Свенском монастыре. Оба ходатайства получили удовлетворение, причем Иоанну поручено было заведывать Свенским монастырем в звании наместника.

Этот монастырь, основанный в 1288 г. Черниговским великим князем Романом Михайловичем после исцеления от иконы, принесенной из Киева, сохранял какую-то связь с Киевом. Монахи Киево-Печерской Лавры настойчиво заявляли в Москве, что этот монастырь принадлежал раньше Лавре, и результатом их просьб было то, что 10 марта 1681 г. царь Федор отдал Свенский монастырь Лавре «для тихаго и безмольнаго пристанища в нужное воинских браней время» и чтобы Печерская братия и архимандрит были там надежны... По ходатайству же Лавры монастырь этот стал называться Новопечерским и должен был управляться Лаврским наместником. Первым из них и был Иоанн Максимович, управлявший монастырем с 1681 по 1695 год.

В самом же начале служения Иоанна в этой должности произошел в монастыре эпизод, являющийся довольно любопытным и показательным.

Явясь в монастырь «сам третьей», Иоанн вскоре стал его населять своими соотечественниками, что вызвало в 1682 г. жалобу братии монастыря, помещиков-вкладчиков, жителей г. Брянска и всех монастырских крестьян и бобылей. Все они жаловались, что новый наместник изгнал из монастыря «священников московских и диаконов и крылошан», а на место их набрал «поляков и черкас», что в келье у него бывает много «бельцов иноземцов», что он распоряжается имуществом монастыря по своему усмотрению, перешел имевшиеся в монастыре ризы по киевскому образцу, стесняет братию в пище и проч. На эту челобитную, посланную царю, Иоанн представил свое объяснение, которым в Москве в значительной степени удовлетворились, и никаких неприятностей ему от этого эпизода не последовало. Для нас любопытно отметить, что причиной жалобы на Иоанна были, должно быть, те нововведения, которые он сделал в Свенском монастыре. Попав из Киева в Великороссию, и притом в глухой ее угол, Иоанн, естественно, стал насаждать в Свенском монастыре те монастырские начала, которые ему были известны по Киеву, и которые, очевидно, разнились от действовавших здесь. В это время (конец 17 века) разница в культурах Великороссии и Малороссии была громадна, и Иоанн, как выросший в последней и являв-

шийся одним из видных представителей ее культуры, разумеется, ревностно стал распространять ее в своем монастыре.

Будучи наместником Новопечерского монастыря, Иоанн Максимович несколько раз ездил в Москву (в 1680, 1681, 1682, 1684, 1689 и 1693 годах) по разным делам своей обители.

Как было уже упомянуто выше, 1695 год был последним годом управления Святителем Иоанном Свенским монастырем. Как опытный церковный администратор и хозяин, Иоанн в этом году был вызван Святителем Феодосием Углицким в Чернигов и здесь поставлен архимандритом Елецкого Успенского монастыря. Несмотря на то, что настоятелем этого монастыря Иоанн пробыл лишь до 1697 г., всего около полутора лет, время его управления Елецкой обителью отмечено получением универсала гетмана Мазепы на мельницу, подаренную монастырю полковником Леонтием Полуботком и находящуюся на р. Белоусе, близ Чернигова. Этой мельницей, называемой «Романовской», монастырь владеет и до сих пор.

Кончина Святителя Феодосия, последовавшая 5 февраля 1696 года, открыла дорогу Иоанну к более широкой деятельности.

Кандидатов в Черниговскую архиепископию явилось трое: игумен Троицкого Ильинского монастыря Лаврентий Крещанович, архимандрит Новгород-Северский Михаил Лежайский и Иоанн Максимович. По обычаю того времени, архиепископ избирался радой из представителей духовенства, гетмана и паствы. Срок избрания назначен был на 24 ноября в присутствии посланцев гетманских: генерального обозного Василия Дунина-Борковского, генерального бунчужного Ивана Скоропадского, черниговского полковника Якова Лизогуба, черниговского войта. За исключением самого Максимовича, подавшего голос за Лежайского, все участники собрания подали голос за Иоанна, который и оказался избранным. Окончательно он принял хиротонию в Москве 10 января 1697 г. от патриарха Адриана, а на свое место в Елецкую обитель поставил 20 июня того же года архимандрита Дмитрия Туптала, впоследствии митрополита Ростовского.

Черниговской епархией Иоанн Максимович управлял 15 лет, до 1712 года. Это время было расцветом его административной и просветительной деятельности. Из его деяний за это время прежде всего следует отметить основание им в 1700 году Черниговского Коллегиума. Коллегиум помещался сперва в четырех комнатах каменного дома, рядом с соборною колокольнею, где раньше жили монахи доминиканцы, а храм для учеников был устроен в колокольне, возведенной в 1701 году.

Коллегиум, основанный Иоанном, носил первоначально название Чернигово-Максимовический Олимп. Этот Черниговский Олимп является древнейшей в России семинарией и был преобразован из латинских школ, находившихся ранее в Новгороде-Северском и переведенных в 1671 г. Барановичем в Чернигов. В этих школах, по свидетельству историков, учение было «весьма слабое и недостаточное», почему Максимович и решил их реорганизовать в Коллегиум по образцу Киевской Академии. Первоначально в нем было открыто только три класса: фара, инфима и грамматика, но с 1705 г., когда построено новое здание, к ним прибавились еще классы риторики, пиитики и диалектики. В Коллегиум принимались лица всех сословий, причем некоторые из учеников или студентов и жили в нем самом. При нем же была организована и библиотека, куда особенно много подарил книг архиепископ Иоанн. Одно из своих сочинений Максимович даже посвятил Коллегиуму, написав в предисловии:

Се ти, Черниговски Афины, духовну
Предлагаю трапезу — книгу рифмословну.

Подбором профессоров Максимович поставил преподавание в Коллегии довольно высоко и вообще этому своему детищу уделял немало внимания и работы.

Архиепископ Иоанн входил близко во все дела своей епархии и издал много интересных распоряжений, как, например, распоряжение 1698 г. о заведении во всех монастырях епархии синодиков для поминовения благотворителей. Благодаря этому нововведению Иоанна, мы имеем теперь в руках много любопытных синодиков, позволяющих установить родственные связи и разрешать различные генеалогические вопросы. Эти памятники, кроме того, любопытны и в отношении графическом, так как нередко украшены превосходным орнаментом и стильными заглавными буквами.

Как хозяин архиерейской кафедры, Иоанн Максимович является довольно деятельным и разносторонним. Ведение хозяйства того времени было несложным, но требовало, конечно, забот и наблюдения. Иоанн понимал также, что недостатки кафедры следует обращать в недвижимость и доходные статьи. Он покупал дворы, отдаваемые в наем, огороды, пляцы, заселял новые места слободами и проч. Известен также полученный им в 1701 году универсал гетмана Мазепы на рудню Неданчицкую, причем из этого акта видно, что «направа» и «рестовраванне» рудни было предпринято именно в данное время ввиду расходов кафедры на «фундуючуюся каменную звонницю» и «для удовольствования скудостей всяких катедральных». Гетман Мазепа освободил даже на целый год кафедру от обязательства отдачи части выделанного в рудне железа в войсковой скарб, но по прошествии льготного срока рудня должна была доставлять в скарб «дванадцат возков желіза доброго гнучого» ежегодно: Помимо городских имуществ и рудни, кафедра имела имущества в епархии, управление которыми тоже лежало на архиепископе.

В своих отношениях к «подданным» кафедры он руководился всецело взглядами старшины и для проведения их в нужных случаях не останавливался перед пользованием исключительными правами архипастырской власти. Максимович, как и старшина, считал, что «подданные» должны были довольствоваться своим положением и не имели права мечтать о другом виде существования. Сохранившийся «лист» Иоанна 1706 г., обращенный к жителям с. Ястребщины (Глуховской сотни), принадлежавшего кафедре, является в этом смысле очень характерным. Ссылаясь на то, что гетманом сделано «установление благоразумное рейментарское: тяглым не переходить в козаки, а также и козакам в тяглые», архиепископ Иоанн отлучает этим «листом» «подданных» с. Ястребщины от церкви за то, что они пошли в козаки. Надо думать, что это суровое распоряжение Максимовича, возымело свое действие на непокорных новописных козаков, и они поспешили стать вновь в ряды кафедральных «подданных». С подобными распоряжениями духовных властей приходится, однако, нередко встречаться при рассмотрении старых «дел», и, таким образом, отлучение от церкви отдельных лиц и даже целых селений за противление представителям церкви было обычной мерой в истории нашего края 17 и 18 веков. Спокойствие в принадлежащих кафедре местностях обеспечивалось до известной степени покровительством сильных мира сего, и Иоанн Максимович умел с ними ладить. Так, например, заметив, что генеральный писарь Василий Леонтьевич Кочубей приобрел большое значение у гетмана, Иоанн продал Кочубею «за премногія благодіянія в мимошедшіе времена и знатные подаянія» принадлежавший к числу «добр катедральных» млин Ящиков на р. Рети близ с. Быстрика за «червонных золотых 60». Факт продажи принадлежащего «кафедре» недвижимого имущества — явление очень редкое для того времени, и едва ли будет ошибкой сказать, что в основе его было желание угодить генеральному писарю.

Помещенный ниже универсал Иоанна на поселение слободы Льговки по своему тону показывает его уверенность, что никто и ничто не помешает его предприятию.

Содержание этого акта любопытно, почему я позволяю себе привести его полностью:

«Иоанн Максимович, милостию Божією, православный архієпископ Черниговскій, Новгородскій и всего Сівера.

Всім, кому сіє начертаніє явлено будет, Божія от превысочайшаго архієрея Христа Спасителя при всегдашних наших архієрейских молитвах желая благословенія, извѣстно творим. Мимощедших літ, в дни блаженныя памяти преосвященных Лазара и Феодосія, архієреов катедры Черниговской, ихъ благословеніем на кгрунтах архієрейских близ дворца нашего катедралнаго Кіянскаго, по-над Лговкою річкою поселилися нѣсколько дворов, и нѣні позволяется людем свободным никому не порабощенным с тяглом, при тых дворцах давно живущих селитися. Имѣет та слободка именованна быти отъ річки Лговки Лговка. Людям, собираватися хотящим, слободы дается на шесть літ, а по шести літах должны будут катедры діла и послуги отбувати два дни в тижден, без всяких поборов. Тут же повеліається: никто бы з панов войсковых и порабощенных подданством в той слободці новособираючойся не селилися под неблагословеніем Божіим, отчужденіем имінія своего и вины на державцов своих. Для достовірія и крѣпости нѣні и в потомные времена сіє писаніє наше з подписом руки нашей и печатию власного дадеса з катедры архієпископской Черниговской, року Божого 1704, місяца Февруаря 12 дня.

Рукою власного»

М. П.

По поводу этого универсала следует отметить, что устанавливаемый им размер панщины — два дня в неделю — был обыкновенным не только для слобожан, но и для других посполитых. Сохранившиеся распоряжения по этому поводу властей Гетманщины и относящиеся к данному времени (гетманства Мазепы) говорят нам тоже самое.

Подводя итоги сказанному выше о Максимовиче, как о распорядителе «катедральных» имений, можно сказать, что он, как человек своего времени, вошедший притом в состав старшинского класса, являлся для «подданных» типичным «державцем».

1708 год предоставил возможность Иоанну Максимовичу лично видеть царя Петра, которого он встречал в Городне и приветствовал речью, предрекая победу над шведами. Кроме того, Черниговский архієпископ, в числе других архієреев, был вызван царем в Глухов, где в соборной церкви гетман Мазепа и его сообщники (в числе которых был и родной брат Иоанна) были преданы анафеме, о чем Максимович извѣстил свою паству особою грамотою.

Во время управления Черниговской епархией Иоанн Максимович напечатал в типографиях при Троицко-Ильинском монастыре и Киевской Лавре более десяти сочинений богословско-моралистического направления, писанных прозою и стихами, частью оригинальных, а частью переводных. Не вдаваясь в обзор этих сочинений, представляющих собой обычные образцы тогдашней литературы, приведем об одном из них отзыв Св. Дмитрия Туптала. О книге Максимовича «Богородице, Діво, радуйся, или толкованіє на ангельское привѣтствіє Богородиці», напечатанной в 1707 году и содержащей более 24 тысяч стихов, св. Димитрий в одном из писем к Яворскому писал: «Книга віршов печатанных (Богородице, Діво) прислана мні: Бог дал тїм віршописцем друкарню и охоту, и деньги, и свободное житье; мало кому потребныя вещи на світ происходят». По другому случаю о работах Максимовича он выразился еще

более отрицательно, но справедливость требует указать, что отношения между этими двумя иерархами были вообще плохие, вызванные, между прочим, отнятием Мазепой одного из сел от Новгород-Северского монастыря, которым управлял в данный момент Туптало, и отдачей его кафедре.

Язык произведений Максимовича, как и других современных ему литературных образцов, имеет много латинских, польских и народных оборотов и слов, стихи большей частью силлабические, но содержанием своим сочинения Максимовича, по мнению архиепископа Филарета, «заслуживают полного внимания, дышат искренним благочестием, с мыслями назидательными и умными». Говоря о книгах Максимовича, нельзя не упомянуть о том, что он являлся одним из самых усердных подносителей их членам царского дома и знатым лицам. Хотя этот обычай был общераспространенным в его время, однако, число подаренных Максимовичем книг значительно превышает подношения других писателей. В 1709 г. он, например, прислал в Москву свой «Феатрон», который был поднесен 5 членам царского дома, 21 сановникам и чиновникам, 8 архиереям, 5 архимандритам, ректору и префекту... Всего роздано было 51 экземпляр, а остальные 60 экз. Рязанский и другие архиереи советовали пустить в продажу по 2 рубля. Цель поднесения книг не всегда была бескорыстной, а иногда имела ввиду получение каких-либо наград или удовлетворение просьб. Так в 1708 г., одновременно с послышкой царю книги «Богородице Діво», Иоанн просил у него 1000 рублей «на мастеров и бумагу для печатанія новых изданій». Но этот обычай имел хорошую сторону: при слабом развитии книжной торговли, южно-русская книга путем подношений все же получала распространение в Великороссии и тем усиливала в ней культурные влияния, шедшие из Украины.

Последние годы своей жизни Иоанн провел в далекой Сибири. Причиной его переселения туда было оставление Филофеем Лещинским Тобольской кафедры по болезни. Зная Иоанна и по его сочинениям, и лично, царь Петр избрал его преемником Лещинского и в марте 1712 г. назначил митрополитом Тобольским и всея Сибири. После долгого и трудного путешествия Иоанн прибыл в Тобольск в половине августа 1712 года, привезя туда с собой нескольких помощников из Чернигова, певчих и служащих. Управление Иоанном Тобольской митрополией было непродолжительным, но плодотворным. Исследователи его жизни отмечают большой успех в его время проповеди христианства среди сибирских инородцев, а также заботы его о Славяно-Латинской школе, основанной в Тобольске его предместником. Кроме того, митрополит Иоанн является основателем Пекинской миссии, снаряженной им незадолго до кончины и прибывшей в Пекин уже после его смерти. Вообще деятельность Иоанна в Сибири была очень многообразна и энергична. Сибирский летописец говорит, что «он не терпел никаких прохлад, забав и увеселений». Можно думать, что усиленные труды митрополита Иоанна при преклонном возрасте и были ближайшей причиной его кончины. Он умер 10 июня 1715 года в Тобольске, где и погребен в кафедральном Успенском соборе.

Заканчивая этот краткий перечень биографических данных об Иоанне Максимовиче и делая попытку отвести ему подобающее место в истории, надо сказать, что Иоанн является одним из крупнейших представителей южнорусской культуры и сторонником реформ Петра, который вообще в своих мероприятиях, связанных с уничтожением патриаршества и устройством церкви на новых основаниях, а также с перенесением центра церковной жизни из Москвы в Петербург, опирался на помощь украинского духовенства. Последнее, будучи более образованным, чем великорусское, являлось, кроме того, посредником при насаж-

дении западного просвещения в Русском государстве, и влияние его в этом отношении чрезвычайно велико. Таким образом, украинское духовенство в этом отношении всецело отвечало намерениям Петра, почему мы и видим, что число представителей южнорусского духовенства, работавших в Великороссии, при нем было весьма значительным. Иоанн был одним из таких проводников новаторских мероприятий царя. При помощи множества своих земляков, южно-русские «святители подняли просвещение въ великорусском народе, завели образованное духовенство, организовали школу, проповедь и миссию внутри России и в Китае, улучшили богослужение и церковное пение, устранили многие беспорядки и злоупотребления в церковной жизни, снабдили образованным духовенством армию, флот и заграничные наши посольства». Многие сотни низших работников на церковной ниве и сами епископы-южноруссы являлись внушительной силой, направленной к подъему церковной и мирской жизни. Люди, искренне преданные просвещению, они распространяли его при посредстве своих земляков, сочинений и проповеди в самых глухих уголках России. Выдающиеся нравственные качества некоторых из иерархов послужили основанием к последующей их канонизации. Ранее были причислены к лику святых св. Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Иоасаф Белгородский, затем Феодосий Углицкий, теперь Иоанн Максимович.

Влияние южно-русского духовенства на Великороссию было заметным просветительным фактором в истории последней вплоть до конца 18 века. Это подтверждается справкой, из которой видно, что число епископов западно- и южно-руссов, посвященных или перемещенных в Великороссию за время с 1700 по 1762 г., доходит до 70 человек. Все эти деятели, и в числе их святитель Иоанн на одном из первых мест, окруженные многочисленными сотрудниками, имена которых в большинстве случаев никому, кроме кропотливых исследователей, даже неизвестны, заслуживают доброй о себе памяти, как люди, созидавшие современную культуру и ускорявшие ее рост и поступательное движение».

